

ПРИОРИТЕТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В статье анализируются актуальные проблемы реализации прав человека под углом зрения определяющего воздействия международного права на процесс правового регулирования в области прав человека, обосновывается тесная взаимосвязь и взаимодействие двух механизмов правового регулирования – международного и внутригосударственного, указываются некоторые пути совершенствования правореализующей деятельности государства.

Ключевые слова: правовое регулирование, общий предмет правового регулирования, механизм правового регулирования, императивы прав человека, правовые установки правоприменителей, международный контроль и самоконтроль государства, межсистемные правовые категории, судебная защита как гарантия прав человека, международное правосознание.

Процесс глобализации в мире вызывает проблемы, в решении которых роль права как международного, так и внутригосударственного, трудно переоценить. По мере обострения глобальных проблем человечества неизбежно усиливается взаимодействие международного и внутригосударственного права. Во взаимодействии обеих правовых систем обнаруживаются противоречия между ними; эти противоречия есть, прежде всего, срез противоречий, существующих в современном мире. Рельефнее всего эти противоречия проявляются в процессе реализации права. Противоречия между обеими правовыми системами в современном мире, как впрочем, и любые другие противоречия, могут быть сняты (разрешаемы) за счет **сильной стороны**. В современном мире **сильной** стороной взаимодействия является международное право. Разумеется, сила международного права состоит не в опоре на особый аппарат принуждения, способного обеспечить осуществление норм международного права, поскольку подобного аппарата нет и быть не может по определению, как не может быть мирового государства и мирового правительства. Сила международного права в другом – в **его авторитете**, производном от обострения глобальных проблем, и как следствие тому – от объективно существующей в мире тенденции интернационализации важнейших сторон бытия в современном мире. Согласованная воля государств-членов международного сообщества, воплощенная в международном праве, общедемократическом по своей сущности, вбирает в себя то **общее, что есть в интересах государств**. Международное право способно под-

няться *«над схваткой»* в отстаивании отдельными государствами в международных отношениях их национальных интересов. Именно благодаря этому свойству международное право отражает в своих нормах глобальные проблемы человечества и создает **универсальную правовую основу** для их решения. Приоритет международного права в этом взаимодействии в настоящее время стал, по нашему убеждению, **важнейшей закономерностью развития и функционирования** международно-правовой системы глобального мира.

В ряду глобальных проблем международного сообщества особое место занимает проблема обеспечения **общечеловеческих ценностей**. В системе общечеловеческих ценностей *определяющая роль отводится правам человека*. Задача решения проблемы осуществления прав человека стала **общей** для каждого государства в отдельности и для международного сообщества в целом. В разделе первом пункте пятом Итогового документа Всемирной конференции по правам человека «Венская декларация и Программа действий», принятой 25 июля 1993 года, подчеркнута общность этой задачи: **«Все права человека универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны**. Международное сообщество должно относиться к правам человека **глобально, на справедливой и равной основе, с одинаковым подходом и вниманием** (Выделено нами – Н.А.) [3, с.9]. При этом Всемирная конференция по правам человека подчеркнула по существу определяющий характер международных обязательств в области прав человека: «Хотя значение национальной и региональной специфики и различных

исторических, культурных и религиозных особенностей и необходимо иметь в виду, но государства, независимо от их политических, экономических и культурных систем, несут обязанность поощрять и защищать все права человека и основные свободы» [3, с.9]. Именно в силу присущего права человека свойства *неделимости* права человека составляют *общий предмет правового регулирования* для международного и внутригосударственного права. С помощью системы правовых средств, именуемой механизмом правового регулирования (далее – МПР), международное сообщество в целом и отдельно взятое государство оказывают целенаправленное правовое воздействие на отношения, составляющие объекты правового регулирования обеих правовых систем, в целях создания благоприятных условий для осуществления прав человека. В правовом регулировании применительно к сфере прав человека имеет место своеобразное *разделение труда* между двумя правопорядками – международным и внутригосударственным – при *определяющей роли международного правопорядка*. Процесс международного правового регулирования на всех трех стадиях – *международного правотворчества, возникновения международных правоотношений, реализации международного права* – сводится по существу к выработке *международных правовых стандартов* в области прав человека и к созданию международных органов, призванных на *комплиментарной (субсидиарной)* основе обеспечивать защиту прав человека на базе этих стандартов. Сами международные стандарты являют собой минимальный (стартовый) объем прав человека и образцы в понимании и осуществлении прав человека с учетом основных императивов – *всеобщности, демократизации, гарантий*, которые были обозначены в документах Всемирной конференции по правам человека 1993г. Обосновывая необходимость учета императива гарантий в понимании прав человека, Генеральный секретарь ООН (в то время – Б.Б. Гали) очень точно подметил: «Каждый день мы убеждаемся в том, насколько оказались бы дискредитированы в глазах всего мира права человека и сама Организация Объединенных Наций, если бы декларации, пакты, хартии, конвенции и договоры, которые мы разрабатываем для защиты прав человека, оставались бы мертвыми грамотами или постоянно нарушались. Поэтому на права человека должны распространяться эффективные механизмы и

процедуры, которые гарантировали бы их, обеспечивали их защиту и предусматривали соответствующие санкции» [3, с.9]. Следовательно, императивы *есть требования, с учетом которых необходимо исходить в понимании и обеспечении прав человека; они есть требования единого образа подхода* к осуществлению прав человека всеми государствами как первичными субъектами международного права. Все три императива следует воспринимать в их единстве [2, с.113-115]. В реалиях XXI века значимость учета этих императивов возросла в свете указанной в Декларации тысячелетия задачи сделать *глобализацию «позитивным фактором для всех народов мира»*, придать ей *«все охватывающий и справедливый характер»*. Следовательно, международное правовое регулирование есть лишь *начальный этап* в осуществлении прав человека. *Завершение процесса* перевода в реальную действительность (в практику общественных отношений) предусмотренных в международном и внутригосударственном праве *правовых возможностей* в области прав человека происходит в рамках национальной правовой системы. Именно этим обстоятельством объясняется *комплиментарность (субсидиарность)* деятельности международных органов: международные органы по защите прав человека могут рассматривать заявления (сообщения, петиции и т. п.) о нарушении прав человека лишь только после того, как в том или ином государстве заявитель исчерпал все возможности правовой защиты в национальной правовой системе. Сказанное позволяет ставить вопрос в теоретическом плане о необходимости разработки межсистемных правовых категорий «*правовое регулирование*» и «*механизм правового регулирования*». В межсистемной категории «*правовое регулирование*» надлежит отражать знания о двух основных этапах его осуществления – *международном и внутригосударственном*. На *этапе международного правового регулирования* государство выступает в двух ипостасях – в качестве *первичного субъекта международного правотворчества* и в качестве *основного субъекта непосредственной реализации* международного права. На *этапе внутригосударственного правового регулирования* государство в целом выступает, прежде всего, в качестве *субъекта национального правотворчества*, к тому же специально на то уполномоченные органы государства занимаются еще и вспомогательной (по отношению к непосред-

ственной реализации права) деятельностью, именуемой *применением права*. В межсистемной правовой категории «механизм правового регулирования» можно будет закрепить знания о взаимосвязи и взаимообусловленности механизмов правового регулирования – международного (ММПР) и внутригосударственного (ВМПР). Связующим звеном между ними служит **право-реализующая** деятельность государства как субъекта реализации международного права и адресата норм международного права. Основное содержание правореализующей деятельности государства составляют акты правотворчества в целях имплементации международного права и приведения норм внутригосударственного права в соответствие с основными принципами международного права и его нормами *jus cogens*. А.С. Гавердовский рассматривает имплементацию как «целенаправленную организационно-правовую деятельность государств, предпринимаемую индивидуально, коллективно или в рамках международных организаций в целях своевременной, всесторонней и полной реализации принятых ими в соответствии с международным правом обязательств». [4, с.62]. Ценность приведенной формулировки заключается в том, что имплементация трактуется как *деятельность в целях осуществления (реализации) международно-правовых обязательств тем или иным государством*. Такая деятельность осуществляется через волю государства как субъекта реализации международного права. В процессе имплементации международного права *происходит создание условий для осуществления правовых норм, а не само их осуществление*, в силу чего имплементация носит вспомогательный характер. На это указывает и Е.Е. Амплиева [1, с.12]. Имплементация международного права необходима в двух плоскостях – в системе международных отношений и в национальной правовой системе государств. Государства в силу принципа добросовестного осуществления международных обязательств обязаны **объединять усилия** по созданию условий реализации международного права **всеми его** субъектами. Основной формой сотрудничества государств по обеспечению реализации международного права и *элементом ММПР* следует считать *международный контроль*. В этом случае можно говорить о международном значении имплементации международного права. Вместе с тем, каждое государство в силу того же принципа международного права, обяза-

но в своей правовой системе создавать необходимые предпосылки осуществления международного права **им самим** как основным субъектом реализации права. Иными словами, основные условия реализации международного права **фокусируются на внутригосударственной правовой основе действия норм международного права на территории государств**. Об обеспечении правовых предпосылок подобного рода говорит и Г.В. Игнатенко [9, с. 60]. Особенно это проявляется при совпадении предметов совместного регулирования внутригосударственного и международного права. Совпадение предметов правового регулирования требуется тогда, когда, как верно подметил В.В. Гаврилов, в нормах международного права «часто содержатся положения, имеющие конечной целью регулирование не отношений между самими государствами (регулирование отношений между самими государствами является средством для достижения конечной цели), а отношений с участием субъектов национального права» [5, с.157]. И поэтому на начальной стадии процесса имплементации предполагается *корреспондирование* прав и обязанностей по международному договору и нормам международного права от государств-адресатов к субъектам внутригосударственного права. При наличии общего предмета регулирования, как в случае с правами человека, между международным и внутригосударственным правом существует, как мы уже отмечали, своеобразное «разделение труда». *Конечная цель правового регулирования достигается, как правило, не в международной, а в национальной системе, следовательно, реализация права «замыкается» на субъектах внутреннего права*. Нормы внутригосударственного права тем самым санкционируют действие международных правовых норм внутри страны.

Все авторы, обращаясь к вопросу имплементации международного права, сходятся в *признании ее правотворческого характера и увязывают ее назначение с реализацией международного права*. Следовательно, акты правотворчества являются важнейшим элементом как ММПР, так и ВМПР. Основные расхождения во взглядах по вопросу содержания имплементации по существу прослеживаются *в отношении способов имплементации* Вместе с тем, любой способ, будь то *трансформация, рецепция, отсылка, инкорпорация*, предполагает **переход от юридической энергии, исходящей от согласованной воли членов меж-**

дународного сообщества, к юридической энергии, производной от воли отдельного государства; тем самым, происходит своеобразное преобразование юридической энергии международного права в энергию внутригосударственного права. В этом плане, следует согласиться с мнением Е.Т. Усенко о том, что все способы приведения в действие норм международного права и международных договоров на территории государства можно обозначить одним термином «трансформация» в двух значениях – «генеральной трансформации» и «специальной трансформации» [14, с.16-21]. Генеральная трансформация определена Е.Т. Усенко как «установление государством в своем внутреннем законодательстве общей нормы, придающей международно-правовым нормам силу внутригосударственного действия». Специальную трансформацию Е.Т. Усенко трактует как деятельность государства по приданию «конкретным нормам международного права силы внутригосударственного действия путем их воспроизведения в законе текстуально, либо в виде положений, адаптированных к национальному праву, или путем законодательного выражения согласия на их применение иным способом.» [15, с.16].

Все акты правотворчества в целях имплементации содержательно должны соответствовать общепризнанным принципам и нормам международного права и вытекающим из универсального, регионального и партикулярного международного права международным обязательствам государств. Их результаты фиксируются в источниках внутригосударственного права, которые включаются во внутригосударственный механизм правового регулирования (ВМПР). В целях реализации имплементированных норм государство вынуждено «подключить» свой механизм правового регулирования (ВМПР) к международному механизму правового регулирования (ММПР). Таким образом, можно **признать, что в широком смысле МПР состоит из двух блоков – собственно ММПР как системы международно-правовых средств, так и из ВМПР, т. е. системы правовых средств, внутригосударственных по своей природе.** Основными звеньями ВМПР на стадии реализации применительно к сфере прав человека являются **акты непосредственной реализации** субъектов внутригосударственного права, которые *используют, соблюдают и исполняют*

имплементированные в национальную правовую систему нормы о правах человека. Государство посредством правоприменительной деятельности лишь *содействует* успешной реализации права. Акты применения права – *правообеспечительные, правоохранительные, правовосстановительные* обслуживают процесс непосредственной реализации имплементированных норм международного права их адресатами. При этом вся система гарантий законности, существующая в том, или ином государстве, обслуживает процесс их реализации. ММПР и ВМПР **взаимодополняют** друг друга, *предполагают* друг друга. Правовую основу их взаимодействия составляет основной принцип международного права, *обеспечивающий бытие международного права.* Это – **принцип добросовестного выполнения международных обязательств**, известный в обычном праве как принцип *pacta sunt servanda*. Применительно к обязательствам в области прав человека государства должны в свете этого принципа в своей правореализующей деятельности исходить из единства императивов *всеобщности, демократизации и гарантий в качестве своеобразного системообразующего фактора в едином* механизме правового регулирования.

Без высокого уровня международно-правового сознания государств вряд ли можно говорить об эффективности правореализующей деятельности государства в полном объеме. Не случайно в Резолюции ГА ООН «Десятилетие международного права Организации Объединенных Наций. Программа деятельности» от 25 ноября 1992 г. вопросу формирования высокого уровня международного правосознания у всех его носителей посвящено два основных раздела: I «Содействие принятию и уважению принципов международного права» и IV «Поощрение преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права» [8, с.40-41]. Носителями международного правосознания являются не только государства в лице его руководителей, но и лица, участвующие в нормотворчестве (в его рамках осуществляется имплементация норм международного права), в правоприменении, в создании системы гарантий прав человека. **Добросовестность** предполагает **уважительное** отношение государства к общепризнанным принципам и нормам международного права и к международным договорам, которые **не утрачивают**

своей системной принадлежности, будучи включенными в национальную правовую систему.

Требование добросовестности имеет прямое отношение как к государству в целом, так и к его органам и должностным лицам, занимающимся правотворчеством и применением права. В правотворческой деятельности по имплементации международного права государство обязано **максимально** следовать терминологии, предусмотренной в международном договоре.

Требование *добросовестности* также предполагает, что государства осуществляют **самоконтроль** при реализации норм международного права, т. е. осуществляют контроль за исполнением международных обязательств его государственными учреждениями, юридическими и физическими лицами. [11, с.148]. **Самоконтроль** есть необходимый характерный элемент правореализующей деятельности государства, следовательно, он является и элементом МПР. С.А. Малинин совершенно справедливо указывает на повышение роли таких факторов как **самоконтроль и самодисциплина** всех государств, их ответственность перед международным сообществом за свое поведение, за принимаемые решения [11, с.143]. Налицо связь самоконтроля и позитивной ответственности государств. Можно ли самоконтроль государств именовать международным и включать в ММПР? Ответ может варьироваться в зависимости от точки отсчета. Если принять во внимание правовую основу правореализующей деятельности государства, т. е. принцип **добросовестного выполнения международных обязательств**, то вряд ли есть смысл отрицать международный характер самоконтроля. А если иметь в виду сферу действия контроля – внутригосударственные отношения, то самоконтроль следует признать элементом ВМПР. Как бы там ни было, но самоконтроль, если он и не признается международным, играет важную **правообеспечительную** роль в правореализующей деятельности государств. Это, прежде всего, должно быть учтено в процессе правового регулирования с общим предметом регулирования. Следует исходить из того, что процесс осуществления (реализации) норм международного права **будет завершаться уже во внутригосударственном юрисдикционном пространстве** в действиях субъектов внутригосударственного права. В силу государственного суверенитета государство само

определяет формы и методы самоконтроля, если иное не предусмотрено международным договором. В международных договорах указание на необходимость самоконтроля может быть сформулировано только в общем виде.

Косвенно Конституция РФ (ст. 17 и 18) указала на необходимость самоконтроля через норму, где предусмотрено, что права человека определяют правотворческую, правоприменительную и правоохранительную деятельность Российского государства (ст. 18). Относительно правоприменительной деятельности государства в МПР понимание добросовестности должно предполагать **эффективность** правоприменительных актов. Эффективность правоприменительных актов обусловлена множеством факторов политического, материального, психологического, социального свойства. Определяющим фактором, на наш взгляд, являются социально-психологические и правовые установки правоприменителя, его правовое сознание. Теоретической разработкой категории *«правовая установка личности»* положено начало в трудах Н.В. Щербаковой [16]. Теоретические вопросы требуемой мотивации правоприменителя обосновывает В.В. Лазарев [10 с.11]

В праве, таким образом, должна быть заложена основа для формирования правовой установки правоприменителя, в первую очередь, **на признание приоритета общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ**, во-вторых, – **на выявление материальной истины по делу, на выяснение того, что в действительности произошло** Государство в своей правореализующей деятельности обязано предпринять организационные меры по формированию **международного правосознания у всех** должностных лиц и **во всех** звеньях государственного аппарата. Первым разработчиком категории *«международное правосознание»* является по праву М.Ш. Пацация. [12; 13]

Уважение к международному праву, производное от международно-правового сознания, – есть необходимая предпосылка осуществления прав человека в точном соответствии с международными стандартами и императивами их осуществления. Сказанное следует, в первую очередь, отнести к проблеме осуществления **права на судебную защиту**, поскольку **суды есть решающая инстанция по защите прав человека в рамках внутреннего правопорядка**. Суды иг-

рают основную роль в обеспечении эффективной правовой защиты. Обосновывая необходимость и значимость категории «*судебное право*» как в методологическом, так и в практическом плане, авторы монографии «Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства» А.П. Гуськова и Н.Г. Муратова весьма рельефно обозначили сущность судебной власти и роль судов: «Вероятно, нам надо понять и усвоить, что судебная власть именно и была учреждена исключительно для *надежной защиты прав, свобод человека и гражданина*. Основным гарантом этого является не какой-либо иной орган, а исключительно *только суд*» [7, с.23]. Авторы указанной монографии предложили разработать и принять закон «Основы правосудия», в тексте которого наряду с другими основополагающими положениями нашло бы отражение положение о том, что «доступность судебной защиты – гарантия защиты личности» [7, с.30]. Право на судебную защиту в международно-правовой доктрине рассматривается еще и в качестве гарантии осуществления прав человека осуществления прав человека [14].

На практике, к сожалению, складывается иная, далекая от требуемого идеала картина. Обратимся к некоторым примерам из судебной практики, которые свидетельствуют об отношении судей к международному праву. Зачастую на практике обнаруживается игнорирование правил международных договоров о правовой помощи. Так, в районных судах общей юрисдикции имеют место случаи, когда судьи выносят постановления по делам особого производства в отношении иностранных граждан без учета коллизионных норм, предусматривающих компетенцию судов того государства, гражданами которого они являются. Встречаются случаи, когда игнорируются правила Минской конвенции «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам государств-членов СНГ» 1993г. относительно признания доказательной силы в отношении документов, изготовленных в соответствии с законодательством того государства-участника, на территории которого документ был выдан (Ст.13). Случается, суды не принимают заявление к производству только на том лишь основании, что документ не был *легализован* на территории России; причем, требование *легализации* исходило от суда в отношении официального документа, совершенного на террито-

рии государства-участника Гаагской конвенции 1961г., отменяющей требование легализации иностранных официальных документов. Согласно этой Конвенции вместо легализации требуется всего лишь проставить на документе апостиль. Конвенция дает описание апостиля только в общем виде (ст.4). Конвенция предусматривает право каждого государства самому определять органы, которым предоставляются полномочия на проставление апостиля, а также обязанность государств информировать об этом МИД Нидерландов, являющегося депозитарием Конвенции. Практика высветила и проблему, связанную с признанием подлинности апостиля. Мы имеем в виду отсутствие в нашей правовой системе образцов апостиля из разных правовых систем. Представляемые в суд документы с апостилем часто в судах вызывают сомнение в подлинности апостиля, однако отсутствие образцов апостиля из того или иного государства-участника Конвенции делает проверку подлинности апостиля весьма проблематичной. При отсутствии образцов суды, с одной стороны, **обязаны** признать доказательную силу документов, заверенных апостилем. С другой стороны, существует реальная опасность, что суды примут фальшивые документы и признают их доказательную силу. Выход из этого правового тупика мы видим в том, чтобы принимать факультативные протоколы к действующим двусторонним договорам о правовой помощи, в которых бы содержалось обязательство государств-участников предоставлять друг другу информацию об органах, уполномоченных проставлять апостиль в зависимости от категории документа, а также предоставлять образцы апостиля. При отсутствии договора о правовой помощи с тем, или иным государством, обязательства подобного рода можно и нужно включать в новые договоры. Судебный департамент, в свою очередь, должен будет снабдить суды образцами апостиля хотя бы из тех государств, с кем у России существуют тесные взаимоотношения.

Итак, надлежащее правосознание правоприменителя, предопределяющее эффективность его деятельности, должно означать **развитость у него** всех трех элементов структуры правосознания – **идеологического, психологического, поведенческого**. Применительно к **идеологическому элементу** следует, прежде всего, говорить о знании правоприменителем содержания правовой доктрины, прежде всего, – *отечественной док-*

трины соотношения международного и внутригосударственного права. Относительно **психологического элемента** необходимо отметить, что два чувства допустимы для правосознания правоприменителя – **чувство законности и чувство справедливости**. К сожалению, в российском законодательстве по мере проведения судебной реформы произошел отход от материальной истины к процессуальной. Важнейший принцип состязательности в судебной практике стал подменять другие демократические принципы процессуального права, такие как **всесторонность и обоснованность** судебных постановлений, будь то решение суда по гражданскому делу, или приговор суда по уголовному делу. Судебное постановление, отвечающее лишь процессуальной (формальной) истине, может иметь негативные последствия двойного рода. Во-первых, оно может спровоцировать подачу петиции в Европейский Суд по правам человека, во-вторых, может сказаться пагубно на правосознании субъекта, в отношении которого было вынесено подобное постановление. **Поведенческий элемент** правосознания, **означающий критическое отношение правоприменителя к своему поведению по отношению к правопорядку**, должен стимулировать стремле-

ние правоприменителя повышать квалификацию, расширять свой кругозор, раздвигать рамки своего представления о существующем мире.

Практика также высвечивает проблему повышения правовой культуры всех должностных лиц, деятельность которых, в первую очередь, связана с механизмом правового регулирования. Из числа практических работников можно назвать две категории тех лиц, для которых международно-правовая культура и международно-правовое сознание должны составлять неотъемлемые характеристики. Речь идет о депутатском корпусе как федерального, так и регионального уровня, а также о судейском корпусе. При сдаче квалификационного экзамена будущие судьи должны показать знание не только внутреннего материального и процессуального права, но и международного публичного и международного частного права.

На данном этапе отметим, что формирование международного правосознания и международно-правовой культуры в России представляет одну из острых проблем, требующих решения в самое ближайшее время. Полагаем, начинать ее решение следует с реформирования образования.

14.02.2013

Список литературы:

1. Амплиева, Е.Е. Международное право. Учебное пособие [Текст]./ Е.Е. Амплиева –Иваново: Ивановский государственный университет – 2002
2. Афоничкина, Н.В. Императивы в понимании прав человека и их отражение в международном и внутригосударственном праве [Текст] / Н.В. Афоничкина // Свобода личности: правовые, исторические, философские аспекты: материалы Международной научно-практической конференции, 17 января 2008 г. – СПб: Изд-во СПб ГУП, 2008.
3. Всемирная конференция по правам человека. Венская декларация и Программа действий. Июнь 1993. ООН. Нью-Йорк, 1995. С.13. человека [Текст] / Всемирная конференция по правам человека. Венская декларация и Программа действий. Июнь 1993. ООН. Нью-Йорк, 1995.
4. Гавердовский, А.С. Имплементация норм международного права [Текст]. / А.С. Гавердовский – Киев: Вища школа –1980
5. Гаврилов, В.В. Понятие и взаимодействие международной и национальных правовых систем [Текст]./ В.В. Гаврилов – Владивосток: Дальневосточный государственный университет – 2005.
6. Гали, Б.Б. Выступление на открытии Всемирной конференции по правам человека [Текст] / Всемирная конференция по правам человека. Венская декларация и Программа действий. Июнь 1993. ООН. Нью-Йорк, 1995.
7. Гуськова, А.П. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства [Текст]. / А.П. Гуськова и Н.Г. Муратова – М: ИГ «Юрист», 2005.
8. Действующее международное право в трех томах [Текст] / Составители проф. Ю.М. Колосов и проф. Э.С. Кривчикова. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права – 1996
9. Игнатенко, Г.В. Опыт комплексной международно-правовой экспертизы [Текст] / Российский ежегодник международного права 2003. СПб.: Россия-Нева – 2003..
10. Лазарев, В.В. Социально-психологические аспекты применения права [Текст]./ В.В. Лазарев – Казань: Изд-во Казанский государственный университет – 1982
11. Малинин, С.А. Роль международного права в реализации концепции всеобъемлющей безопасности [Текст]./С.А. Малинин. Избранное. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет – 2003.
12. Пацация, М.Ш. Современное состояние проблем международно-правового сознания (методологический аспект) [Текст]. / Пацация, М.Ш.// Методология исследования теоретических. проблем международного права. Казань – 1986;
13. Пацация, М.Ш. Международно-правовое сознание: понятие, структура, проблема воспитания. [Текст]: Автореф. дисс....к. ю.н. – Казань – 1986.
14. Самович, Ю.В. Право человека на государственную судебную защиту [Текст]: Автореф. дисс....докт..юрид.наук. С. – Казань – 2007:
15. Усенко, Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская Конституция [Текст] ./ Е.Т.Усенко // Московский журнал международного права. – 1995. №2.
16. Щербакова, Н.В. Правовая установка и социальная активность личности [Текст]. / Н.В. Щербакова – М.: Юридическая литература, 1987.

Сведения об авторе:

Афоничкина Нелли Васильевна, член международного общественного объединения
«Российская Ассоциация международного права», кандидат юридических наук

UDC 340.11; 340.12; 340.115; 341

Afonichkina Nelly V.

PRIORITY OF INTERNATIONAL LAW AND THEORETICAL ASPECTS OF INTERACTION OF THE INTERNATIONAL AND NATIONAL MECHANISMS OF LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF HUMAN RIGHTS

The article analyzes actual problems of implementation of human rights from the angle determining influence of international law on process of the rights regulation in the field of human rights, the close interrelation and interaction of two mechanisms of the legal regulation – international and national, some ways of improving the activity of the state to administer the rights are specified.

Key words: the legal regulation, the general subject of the legal regulation, the mechanism of the legal regulation, imperatives of human rights, legal determinations of the law-enforcement authorities, the international control and self-checking of the state, intersystem legal categories, judicial protection as a guaranty of human rights, international legal sense.

Bibliography:

- 1 Amplieva, E.E. International law. Textbook [text]. / E.E. Amplieva - Ivanovo Ivanovo State University - 2002
- 2 Afonichkina, N.V. Imperatives in the understanding of human rights and their reflection in the international and national law [text] / N.V. Afonichkina // Individual liberty: the legal, historical and philosophical aspects: proceedings of the International Scientific Conference, January 17, 2008 - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State Unitary Enterprise, 2008
- 3 The World Conference on Human Rights. The Vienna Declaration and Programme of Action. June 1993. Un. New York, 1995. C.13. Rights [text] / The World Conference on Human Rights. The Vienna Declaration and Programme of Action. June 1993. Un. New York, 1995
- 4 Gaverdovsky, A.S. Implementation of the norms of international law [text]. / A.S. Gaverdovsky - Kiev: Vishcha School -1980
- 5 Gavrillov, V.V. The concept and the interaction of international and national legal systems [text]. / V. Gavrillov - Vladivostok: Far Eastern State University – 2005
- 6 Ghali, B.B. Speech at the opening of the World Conference on Human Rights [text] / The World Conference on Human Rights. The Vienna Declaration and Programme of Action. June 1993. Un. New York, 1995
- 7 Guskova, A.P. Judicial Law: Past and Present of the judiciary in criminal proceedings [text]. / A.P. Gus'kova and N.G.Muratova - M: IG «Lawyer», 2005
- 8 The current international law (in three volumes) [Text] / Compiled by prof. Y.M. Kolosov and prof. E.S. Krivchikova. V. 1. Moscow: Moscow Independent Institute of International Law – 1996
- 9 Ignatenko, G.V. Experience of comprehensive international legal expertise [Text] / Russian Yearbook of International Law in 2003. St. Petersburg.: Russia-Neva-2003
- 10 Lazarev, V.V. Social and psychological aspects of the law application [text]. / V. Lazarev - Kazan: Kazan State University - 1982
- 11 Malinin, S.A. The role of international law in the implementation of the concept of comprehensive security [text]. / S.A. Malinin. Favorites. - St. Petersburg: St. Petersburg State University – 2003
- 12 Patsatsia, M.S. The present state of international legal consciousness (methodological aspect) [text]. / Patsatsia M.S. // Theoretical research methodology. Issues of international law. Kazan – 1986
- 13 Patsatsia, M.S. International legal consciousness: the concept, the structure, the problem of education. [Text]: Author. PhD dissertation - Kazan – 1986
- 14 Samovich, Y. The right person for the state judicial protection [Text]: Author. Doctoral Thesis. - Kazan – 2007
- 15 Usenko E.T. Relationship and interaction of international and national law and the Russian Constitution [text]. / E.T. Usenko // Moscow Journal of International Law. - 1995.
- 16 Shcherbakov, N.V. Legal install and social activity of the individual [text]. / N.V. Shcherbakov - M: Legal Literature, 1987